

Игорь ТАЛЬКОВ:

Россия — боль моей души

Кр. звезда - 1994 - окт.-с.ч.

Имена
и судьбы

Сегодня — третья годовщина со дня так до сих пор и не раскрытого убийства певца, композитора и поэта Игоря Талькова.

“С новой эрой вас, господа!” — пел он в августе 91-го на баррикадах у Белого дома, но — какой же злой бывает судьба! — смерть подстерегла Игоря уже в новой, казалось бы, очнувшейся ото сна России. Когда он наконец-то вышел на контакт с огромными аудиториями, был признан и признан не только как исполнитель лирических “Чистых прудов”, но прежде всего как создатель песен гражданского содержания — резких, бередящих душу, вводящих подчас в шок...

Последние концерты Игоря Талькова часто перерастали в митинги, полемику со зрителями. Пожалуй, не столько в качестве артиста желала видеть его публика на сцене, сколько носителем откровений, которые помогут переустроить этот мир. Эстрадные рамки тут были слишком тесны. Так у Игоря появился потребность откровенно высказать свое отношение к жизни в книге, которую он назвал “Монолог”.

Многозначительное, в общем-то, название. В то время, когда писалась эта книга, самой популярной формой общения считался диалог. Но в том-то и дело, что Тальков был глубоко чужд позерству и терпеть не мог болтовни якобы на равных. Он редко с кем-либо вступал в споры, даже если чувствовал, что его собеседник не прав. В этом случае он отворачивался и уходил. И к себе он требовал такого же отношения: если слушаете, то не перебивайте.

“Мой идеал — Иисус Христос”, — говорил Тальков. Значит ли это, что он отождествлял себя с богочеловеком? Да нет, конечно. Ему-то как раз сцена не казалась слишком тесной площадкой, чтобы делиться с людьми своими мыслями и чувствами. Считал, что именно песня — самый кратчайший путь к сердцу и уму человека.

Он вообще писал свою книгу, что называется, в стол, планируя ее опубликовать лишь годам к 80, когда, как надеялся, мы станем “страной не дураков, а гениев”.

Увы... “Новая эра”, о которой мечтал Игорь, так и не возшла. Но все же, хотя и не дождался он “первого дня рождения страны, вернувшейся с войны”, Тальков и сегодня с нами. В том числе и благодаря своей книге “Монолог”, согласие на публикацию которой он дал незадолго до своей гибели, предчувствуя трагическую развязку. Вот как рассказывает о последних днях жизни Игоря его пресс-секретарь Ольга Дубовицкая, которой он доверил довести рукопись до печати:

— С Игорем мы встретились последний раз 2 октября 1991 года в музыкальной студии. Он не вызывал меня к себе, как это обычно происходило, но в тот день я почему-то почувствовала: надо! Игорь не удивился моему приезду без предупреждения, подписал все тексты, которые должны были войти в его книгу. Учитывая такую его необычайную сговорчивость, я попросилась поехать с ним в Питер, где он должен был выступать в сборном концерте. Раньше Игорь никогда не отказывал в таких просьбах, но на этот раз был категорически против. На мой вопрос: “Почему?” он ответил так: “Я чувствую, что оттуда не вернусь”. От

Игоря я ушла в истерике, веря и не веря в его пророчество. Он бы не стал пугать впустую, что-то, значит, знал. Незадолго до своего отъезда вечером 4 октября Тальков позвонил мне домой и сказал: “Не перебивай меня и ни о чем не спрашивай. Ты сможешь закончить книгу сама? Да или нет?”. Я, немая от страха, пролепетала: “Да”. “Ты в этом уверена?” — продолжал Игорь. Потом вздохнул: “Я очень устал”. И повесил трубку.

Состояние после этого разговора было ужасное. На следующий день мне позвонили с Ленинградского телевидения и сообщили то, во что разум отказывался верить: Игоря больше нет.

...После того как отпали подозрения в отношении охранника Азизы, Малахова, всплыло имя Валерия Шляфмана, директора группы Игоря Талькова. Но нет, я уверена, что он не стрелял, — он был слишком труслив. Навряд ли гибель Талькова вообще будет когда-либо расследована. Он и сам говорил, что убийцу его никогда не найдут — слишком всерьез Игорь вступил в борьбу с силами зла, той властью над властью, которая, увы, и сейчас пытается править миром. Не хочу тут ничего расшифровывать, но разгадка гибели Талькова в чем-то становится понятной как из его песен, так и из книги “Монолог”.

— Ольга, а что, вы считаете, осталось недосказанным Игорем в этой книге?

— В “Монолог”, к сожалению, не вошли его размышления на тему, как следует понимать идею “непротивления злу насилием”. Игорь считал, что эта заповедь ошибочна. Под насилием, как он полагал, подразумевается прежде всего насилие над собой. То есть любая душа от рождения стремится к совершенству, а если этого не происходит, то это и есть самое страшное насилие над собой. В этом смысле Игорь не был “непротивленцем”, был убежден: чем больше добра впитала душа человека, тем меньше остается зла на этом свете. Он не раз повторял: “Россия — боль моей души. Бой за добро — суть моей жизни. Победа над злом — цель моей жизни”.

Ольга Дубовицкая никогда прежде не публиковала своих стихотворений. Но одно из них, посвященное памяти Игоря Талькова, думается, обязательно должно прозвучать сегодня.

*Между небом и землей — пропасть.
Задыхаясь пустотой, люди
Добавляют в никуда копошь
Неосознанных тупых буден.*

*Между небом и землей — воздух.
По спиральям неземных лестниц
Запускается в полет голос,
Заполняющий ничто песней.*

*Бесконечность с пустотой — в споре,
Между небом и землей — горе.*

*Но рождается поэт — тайной,
В оболочке из одежды века.
И стремится неземной данник
Из рутины путь найти к Свету.*

*Обреченный погибать в плоти,
И страдающим тощим смертным,
Он взрывается душой в ноте,
Оставаясь на Земле нервом.*

*И рождается Поэт чище,
И рождается Поэт Света,
И связующую нить ищет:
Между небом и землей — неба.*

Михаил ЛУКАНИН.
Фото из архива
и Сергея ПЯТАКОВА.

